

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

УДК 81'373.21(470.24)"14/15"

А.В. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
199053 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Лингвистическая реконструкция микротопонимического пространства средневековой Водской пятины по данным писцовой книги 1499/1500 г.

В статье представлены результаты комплексного лингвистического анализа микротопонимической системы средневековой Водской пятины на основе писцовой книги 1499/1500 г. для реконструкции пространственных представлений и особенностей хозяйственного освоения территории в конце XV в. Методологический подход основан на сочетании структурно-семантического, сравнительно-исторического и количественного методов анализа топонимического материала. Выявлено и проанализировано 350 микротопонимических единиц, систематизированных в две группы: топонимические эквиваленты (43 единицы) и прямые микротопонимические номинации (77 единиц). Установлена выраженная территориальная асимметрия с наибольшей концентрацией в Грузинском погосте (преобладание названий пожен) и Спасо-Городенском погосте (преобладание названий тоней), отражающая специфику хозяйственного освоения. Семантический анализ выявил доминирование физико-географической лексики и хозяйственно-производственных терминов, связанных с подсечно-огневым земледелием. Этнолингвистический анализ обнаружил прибалтийско-финские элементы, демонстрирующие активные межъязыковые контакты.

© Дмитриев А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Исследование подтверждает значимость микротопонимии для реконструкции историко-культурного ландшафта и изучения когнитивных моделей пространственной ориентации средневекового населения.

Ключевые слова: историческая микротопонимия, писцовые книги, Водская пятина, новгородская топонимия, пространственная ориентация, этноязыковые контакты, историко-культурный ландшафт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дмитриев А.В. Лингвистическая реконструкция микротопонимического пространства средневековой Водской пятины по данным писцовой книги 1499/1500 г. // Рема. Rhema. 2025. № 3. С. 9–44. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

A. Dmitriev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, 195251, Russian Federation;

Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation

Linguistic reconstruction of the microtoponymic space of Medieval Vodskaya Pyatina based on the Scribe Book of 1499/1500

This study analyzes the microtoponymic system of medieval Vodskaya Pyatina using a 1499/1500 scribe book to reconstruct spatial representations and economic development patterns. Researchers employed structural-semantic, comparative-historical, and quantitative methods to identify 350 microtoponymic units, systematized into toponymic equivalents (43 units) and direct nominations (77 units). The analysis revealed pronounced territorial asymmetry, with highest concentrations in Gruzinsky parish (predominantly hayfield names) and Spaso-Gorodensky parish (predominantly fishing ground names), reflecting local economic specialization and fiscal accounting needs. Semantic analysis showed dominance of physical-geographical and economic-industrial vocabulary related to slash-and-burn agriculture and various crafts. Ethnolinguistic analysis discovered Baltic-Finnish elements indicating active

interlingual contacts. The research demonstrates microtoponymy's significance for reconstructing historical-cultural landscapes and understanding medieval populations' spatial cognition models.

Key words: historical microtoponymy, Vodskaya Pyatina, scribe books, Novgorod toponymy, spatial orientation, ethnolinguistic contacts, historical and cultural landscape

FOR CITATION: Dmitriev A. Linguistic reconstruction of the microtoponymic space of Medieval Vodskaya Pyatina based on the Scribe Book of 1499/1500. *Rhema*. 2025. No. 3. Pp. 9–44. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-3-9-44

Введение

Географические наименования малых объектов определенной территории, т.е. микротопонимы, закономерно входят в состав единой топонимической системы страны и отражают особенности мировосприятия коренных жителей данной местности. При этом микротопонимическая система, включающая наименования объектов сельской местности внутри и за пределами населенных пунктов, представляет собой компонент как онимического, так и топонимического восприятия мира, однако ее границы остаются достаточно размытыми в силу ее неустойчивости.

Изучение микротопонимии, охватывающей наименования малых географических объектов определенной территории, представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной ономастики. Основы теоретического осмысления микротопонимии как особой категории географических названий были заложены в трудах В.А. Никонова, А.В. Суперанской и Н.В. Подольской. Их исследования показали, что микротопонимы являются уникальным источником информации об историко-культурном ландшафте территории и этноязыковых процессах.

Особую значимость приобретает изучение исторической микротопонимии, позволяющей реконструировать систему пространственных представлений и хозяйственного освоения территории в прошлом. Как отмечает В.Л. Васильев, микротопонимический материал средневековых документов часто сохраняет архаические черты, утраченные в современной топонимии [Васильев, 2005]. Работы И.И. Муллонен по микротопонимии Карелии демонстрируют, что названия малых объектов могут содержать ценную информацию о межэтнических контактах и культурном взаимодействии, и в одной из последних работ эта мысль звучит еще более явственно [Муллонен, 2023].

В последние годы активно развивается лексикографическое направление в изучении микротопонимии, представленное трудами Г.Ф. Ковалева, Л.А. Климковой, Н.А. Кузнецовой и других исследователей. Лексикография малых объектов по разным регионам России представлена сегодня достаточно пестро: по Красноярскому краю [Васильев и др., 2000], Воронежской области [Ковалев, 2007], Нижегородской области [Климкова, 2006], Пензенской области [Кузнецова, 2003], Липецкой области [Щеулина, 2007–2008], Чувашии [Леонтьев, 2024], Ингерманландии [Николаев, Герд, 2015] и другим регионам Российской Федерации.

Появились и продолжают выходить словари микротопонимов городов [Сьянова, 2018], отдельно взятых областных районов [Летникова, 2016] и даже одного населенного пункта [Кириллова, 2002; Бакутов, 2017; Верховых, 2018].

Тем не менее историческая микротопонимия севернорусских территорий, особенно по данным писцовых книг, все еще остается недостаточно изученной областью, что определяет актуальность ее анализа для современной науки. Это, в свою очередь, детерминирует и цель настоящего исследования, которая заключается в комплексном анализе и лингвистической реконструкции микротопонимического пространства средневековой Водской пятины. Анализ направлен на выявление структурно-семантических особенностей микротопонимов, установление их территориального распределения и определение роли в формировании историко-культурного ландшафта региона.

Материал и методы

В качестве ключевого источника исследования выступает писцовая книга Водской пятины 1499/1500 г. Полужской и Корельской половин, представляющая собой уникальный документ кадастрового учета средневекового Новгорода.

Методологический инструментарий исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем традиционные методы топонимического анализа с современными приемами лингвистической реконструкции. В работе применяется структурно-семантический метод, позволяющий выявить основные модели микрономинаций и типы топонимообразования. Использование сравнительно-исторического метода дает возможность проследить этимологию микротопонимов и установить их связь с историческими процессами освоения территории. Важным методологическим аспектом является использование компаративного анализа при сопоставлении выявленных микротопонимов с данными современной топонимии и диалектной лексики Северо-Запада России. В работе

также применяется метод количественного анализа, позволивший установить статистические закономерности в распределении различных типов микропонимов.

Результаты и обсуждение

Принадлежность микропонимии к общей топонимической системе обуславливает существование определенных объединяющих характеристик. Ее системная организация, непосредственная обусловленность внеязыковыми факторами, варьирование в устной речи и наличие в семантической структуре эмоционально-экспрессивной окрашенности наряду с номинативным компонентом делает изучение микропонимии еще более важной и в то же время непростой задачей.

Микропонимы как результат стихийной номинации обладают рядом специфических черт, кардинально отличающих их от официальных топонимов. Прежде всего, они близки к именам нарицательным (апеллятивам), имеют тесную связь с понятием, живую внутреннюю форму, мотивированность и зачастую деривационную прозрачность [Климкова, 2007, с. 83–103], что, в свою очередь, отражается в их прозрачной семантике и живой связи с этимологическим значением слова, положенного в основу названия, что объясняется их первичностью и мотивированностью [Яценко, 1977, с. 24–26]. Таким образом, граница между собственными и нарицательными названиями в микропонимии размыта и легко преодолима [Карпенко, 1967, с. 18], что принципиально отличает их от официальных топонимов.

Поскольку микропонимы часто образуются от местных географических терминов путем метафорического переноса по сходству формы объекта, важная характеристика микропонимов – их теснейшая связь с региональной диалектной лексикой, отражающей преимущественно хозяйственную деятельность населения, когда в основу номинации часто ложатся признаки, важные для практического использования объекта (особенности рельефа, почвы, растительности). Вместе с тем микропонимы часто содержат в своей структуре антропонимы, что отражает связь с историей освоения территории конкретными людьми.

Другой важной особенностью микропонимов является их ограниченное распространение: область известности каждого микропонима ограничена узким кругом местных жителей [Там же, с. 16], в отличие от официальных топонимов, которые фиксируются в многочисленных документах и на картах. Поэтому не все исследователи готовы рассматривать микропонимию как отдельный пласт географических названий [Попов, 1965, с. 7–9; Глинских, 1985, с. 15; Березович, 2003, с. 19–34],

хотя есть попытки обоснования и независимого положения микротопонимии в региональном ономастиконе, исходя из детального описания микротерритории и структуры микрообъектов [Подольская, 1988, с. 83]¹.

Наиболее значимой характеристикой микротопонимии является высокая степень подвижности номинативной системы. Микротопонимы склонны к быстрому изменению, замещению и полному исчезновению, однако процесс утраты компенсируется активным появлением новых наименований, поэтому Ю.А. Карпенко квалифицировал микротопонимы не как полноценные названия, а как их эквиваленты [Карпенко, 1967, с. 16–17]. Это происходит потому, что микротопонимия быстро реагирует на изменения в жизни местного населения: при смене хозяйственной деятельности названия мелких объектов часто забываются и выходят из употребления [Муллонен, 2023]. Этот незаконченный процесс топонимизации позволяет исследователям наблюдать сам процесс стихийного образования названий [Никонов, 1965, с. 47]. Таким образом, для микротопонимии характерен непрерывный процесс обновления номинативного фонда, что принципиально отличает ее от официальной топонимии с ее долговременной стабильностью. Кроме того, важно учитывать сохранение однозначности микротопонима в пределах микросистемы, когда каждый микротопоним должен обозначать не более одного объекта [Березович, 1997, с. 70].

Из уже имеющегося опыта выявления исторический микротопонимии в архивных документах можно назвать недавнее комплексное исследование Д.Е. Евсюкова, выполненное на материале микротопонимов села Огибного Белгородский области с XVII по XXI в. Автор подробно анализирует документальную фиксацию топонимов в различных исторических документах и прослеживает их эволюцию. Методологически работа построена на сопоставлении данных из нескольких типов источников: писцовых и межевых книг XVII в. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА)), Государственный архив Курской области), планов Генерального и Специального межевания XVIII–XIX вв., современных топографических карт и полевых материалов автора. Особое внимание уделяется географический локализации исторических топонимов и верификации их расположения через сопоставление разновременных источников. Автор выявляет основные закономерности сохранения и трансформации микротопонимов на протяжении более 300 лет, анализирует этимологию названий и их связь с природным ландшафтом. Детально разбираются конкретные топонимы (*Молодежников*

¹ То есть микрогидронимы, микроойконимы, микрооронимы, микрохоронимы, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т.п.) [Подольская, 1982, с. 83].

колодезь, Онохин колодезь, Бутырский лог и др.), прослеживается их историческая судьба. Автор делает вывод об устойчивости значительной части микропонимов с XVII в. при одновременной фиксации случаев их трансформации и утраты [Евсюков, 2019].

Некоторые микропонимические единицы рассмотрены В.Л. Васильевым по Водской и Шелонским пятинам: *Буянское болото* недалеко от улиц Рогатица и Бояня в Новгороде [Васильев, 2005, с. 341]; пожня *Жирославль* в дельте Ловати [Там же, с. 51–52]; пожня *Точища у Завидова* близ р. Веряжи у Новгорода [Там же, с. 89]; пожня *Мирогоща* у южного берега Ильмена [Там же, с. 130] и др. Тем не менее микропонимия не представляла для В.Л. Васильева отдельного предмета рассмотрения. Он отмечает, что в новгородских писцовых книгах XV–XVI вв. зафиксированы названия мелких географических объектов – пожен, урочищ, небольших озер и ручьев. Такие микропонимы сохранили архаические особенности, что отличает их от современных названий, однако настолько детальная фиксация мелких топонимов встречается лишь в единичных средневековых письменных источниках [Там же, с. 30].

Микропонимические единицы, такие как, например, названия пожен, можно встретить в большом количестве в специальных книгах, которые регистрировали эти уголья для ведения хозяйственно-экономического учета. Например, это отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца, опубликованные К.В. Барановым [ПКНЗ], и даже особые «поженные» книги покосов новгородских пятин, хранящиеся в РГАДА². В материалах К.В. Баранова есть также опубликованная выпись из писцовой книги Водский пятины 1499/1500 г. на рыбные тони на р. Волхов по водской стороне и на Ладожском озере.

Особенно ценными материалами для изучения микропонимии южных погостов Водской пятины служат документы из Государственного архива Новгородской области, ф. 236 «Новгородская губернская чертежная». В оп. 7 находятся дела по межеванию деревень, пустошей, пожен по состоянию наконец XVIII в. и середине XIX в. Планы ценны тем, что они показывают местоположения угодий, что позволяет соотнести их с современным состоянием ландшафта.

² Ф. 1209. Оп. 1738. Д. 770. Писцовая («поженная») книга казенных покосов в Вотской пятине Новгородского уезда, писцов Гр. Волконского и Вас. Тараканова. Копия XVIII в. Печ. оп. № 1738; Оп. 1740. Д. 710. Писцовая книга казенных оброчных сенных покосов Шелонской, Вотской и Обонежской пятин Новгородского уезда, писцов Гр. Вольнского и В. Тараканова с товарищами. Копия XVIII в. Печ. оп. № 1740; Оп. 1740. Д. 711. Писцовая книга оброчных сенных покосов Шелонской пятины Новгородского уезда, писцов Гр. Вольнского и Ф. Калитина. Копия XVIII в. Печ. оп. № 1740; Оп. 1769. Д. 739. Писцовая и межевая книга казенных оброчных сенных покосов Вотской и Обонежской пятин Новгородского уезда, писца подьячего Ефима Нечаева, 1598 г. (Л. 1–18). Копия XVIII в. Печ. оп. № 1769.

В русских писцовых книгах официальная макрогеографическая номенклатура описываемых именованных объектов представлена восемью типами – села, сельца, деревни, церкви, починки, пустоши, рядки и волочки. Последние два упоминаются в личных названиях составных ойконимов в качестве апеллятивов и по сути являются разновидностью поселений. Таких ойконимов в писцовой книге Водский пятины 1499/1500 г. всего три: *Рядок у Клетей на реце Ижсере* – Ижорский погост [НПК III, с. 344]; *Сванский Волочек* – при г. Кореле [Там же, с. 7] и *Волочек* – Ястребинский погост [Там же, с. 763].

Помимо них, как правило, в заключении описания отдельного землевладения перечисляются, если есть, угодья: озера с рыбной ловлей, тони и колы на реках, руда в домницах, охота на мхах, борти пчелиные на пасеках, пожни с сеном. Если в тексте писцовых книг упоминаются пожни, луга, тони, леса и другие микрообъекты, то, как правило, они сопровождаются своими собственными именами.

В процессе выявления микрообъектов была составлена их классификация (табл. 1) по следующим типам.

1. **Топонимические эквиваленты.** Эта группа микропонимов (43 единицы) представляет собой описательные обозначения, которые являются предложно-падежными конструкциями [Горожанкина, 1979]. Такие эквиваленты не называют объект, а описывают его. В.А. Никонов отмечал, что микропонимы подобного плана близки к нарицательным именам, они являются как бы «зародышами названий», поскольку названия по модели «предлог + существительное в косвенном падеже» практически отсутствуют в названиях рек и населенных пунктов, а в микропонимии они заурядны [Никонов, 1965, с. 47].

Таблица 1

**Выявленные микропонимы из писцовой книги
Водской пятины Корельской и Полужской половин 1499/1500 г.
[Identified microtoponyms from the cadastral book
of Vodskaya pyatina, Karelian and Poluzhskaya halves of 1499/1500]**

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Макролокативные конструкции [Macrolocative constructions]		
<i>в Монеьше на усть Жавыни</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>за озерком за Незнанию</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>за озерком за Незнанию, противу Дубровиц</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>на Ладожском озере на Лопский стороне, промеж Орешка городка и на Изре</i>	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на Ладожском озере под Березовцом</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на Лопате на реце на Кернове</i>	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
<i>на море, на острове на Сандую</i>	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на ручью на Неваже</i>	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на усть Керести</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>на усть Луни</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>на усть Пертичны</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>на устье реки Водос</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>под Большим Двором</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>под Валитовою</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>под монастырем под Николским на Полисти</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>под Москотовым</i>	Пожня [Hayfield]	Куйвошский [Kuyvoshskiy]
<i>под Нижним Двором</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>усть Тохты</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
Микролокативные конструкции [Microlocative constructions]		
<i>в Дыменском болоте</i>	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
<i>в Подрелье</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>в Розсохе</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>в Сомине</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>на Вередке же</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>на жару и в Каккуле</i>	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на Заячем носу</i>	Пожня [Hayfield]	Лопский [Lopskiy]
<i>на Кирьеволочском же песку на Коротких конце Кирьеволочского песку</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на Невеже</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на Пукуеву ручью [на Неве под деревнею под Дубком]</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на Ригочине</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на ручью на Неваже</i>	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>на Ручьях</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>около Липового острова</i>	Мох [Moss]	Ярвосольский [Yarvosolskiy]
<i>под Дубом [на реце на Аредежи]</i>	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]
<i>под Залазном</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>под Рогом [в реце Неве]</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>против Пересухи за Лукиным же</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>у Камени [на реце на Аредежи]</i>	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
Полиуровневые локативные конструкции [Multi-level locative constructions]		
<i>за озером за Лунином, против Пересухи</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>на Волхове к Стечки, повыше Хотовского врага</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>на Ладожском озере, на Кош- кине носу</i>	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>над Веткою на бротку на Глазачеве противу Мокроусова</i>	Пожня [Hayfield]	Пидебский [Pidebskiy]
<i>над Керестию конец Лютика</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>по реце по Кересте на устье и по Волхову в Лютике</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
Прямые микротопонимические номинации [Direct microtoponymic nominations]		
<i>Валитово</i>	Пожня [Hayfield]	Пидебский [Pidebskiy]
<i>Ватупол [в верх Ласинца ручья]</i>	Мох [Moss]	Ижорский [Izhorskiy]
<i>Вежыцкий</i>	Лес [Forest]	Кречинский [Krechinskiy]
<i>Великая</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Вередка</i>	Неизвестная идентификация [Unkown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Волотовская [против порожка]</i>	Тоня [Fishing ground]	Коломенский [Kolomenskiy]
<i>Воскресенская [на усть Тигоды на Волхове]</i>	Пожня [Hayfield]	Тигодский [Tigodskiy]
<i>Вострая Лука [на Острой реке за Волховым, в Обонежье]</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>Глажево</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Глазачево</i>	Неизвестная идентификация [Unkown identification]	Пидебский [Pidebskiy]
<i>Горбош</i> [в Мeneвшe речкe]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Деревня</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Домовная</i> [у Креста]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Дорница</i>	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
<i>Дыменское</i>	Болото [Swamp]	Коломенский [Kolomenskiy]
<i>Залазное</i>	Неизвестная идентификация [Unkown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Запашая</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Заячий нос</i>	Мыс [Cape]	Ижорский [Izhorskiy]
<i>Земтицкий</i>	Лес [Forest]	Кречинский [Krechinskiy]
<i>Калита</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Каменьское</i>	Болото [Swamp]	Кречинский [Krechinskiy]
<i>Карповы Нивица</i> [у города у Копорья]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
<i>Каккула</i>	Неизвестная идентификация [Unkown identification]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Кириловская</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Ключеватка</i> [над Керестью]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>Кобылино</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Коловая</i> [на усть Керести]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Кочевятици</i> [у города у Копорьи]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
<i>Кошкин нос</i> [на Ладожском озере]	Мыс [Cape]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Кривец</i>	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
<i>Куземкин</i> [на реце на Ардежи]	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]
<i>Ласинец</i>	Ручей [Stream]	Ижорский [Izhorskiy]
<i>Лентеевская</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Лидна</i>	Тоня [Fishing ground]	Федоровский [Fedorovskiy]
<i>Лидно</i>	Тоня [Fishing ground]	Теребужский [Terebuzhskiy]
<i>Лодоша</i> [меж кола Городецкого Моевного и Глездова]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Лукинская Федорова</i> [под Хотовичами]	Тоня [Fishing ground]	Переешский [Pereezhskiy]
<i>Лукоситцкая</i> [на реце на Ижере]	Пожня [Hayfield]	Ижорский [Izhorskiy]
<i>Лукьяновские</i>	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
<i>Лютик</i>	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Марков Остров</i>	Пожня [Hayfield]	Пидебский [Pidebskiy]
<i>Михайловская</i> [на Черемисинове половине]	Пожня [Hayfield]	Ижорский [Izhorskiy]

Продолжение табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>Моневша</i>	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Морткино</i>	Пожня [Hayfield]	Дмитро-Городенский [Dmitro-Gorodenskiy]
<i>Московская</i> [на реце на Кернове]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
<i>Нероновская</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Нероновская ж другая</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Нижняя</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Носок</i> [под Керестию, противу Дубровиц]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Огородок</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodenskiy]
<i>Ольхавая</i> [на Неве ниже устья Ижерского]	Тоня [Fishing ground]	Ижорский [Izhorskiy]
<i>Омут</i> [в реце Неве]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodenskiy]
<i>Онтоновская</i> [на усть Керести]	Пожня [Hayfield]	Антоновский [Antonovski]
<i>Пересуха</i>	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Повал</i> [на реце на Аредежи]	Луг [Meadow]	Будковский [Budkovsky]
<i>Повал</i> [на реце на Ордежи у Передчиц]	Пожня [Hayfield]	Будковский [Budkovsky]
<i>Погорелская</i> [на Лузе]	Пожня [Hayfield]	Будковский [Budkovsky]
<i>Подмогилицы</i> [на Волхове]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodenskiy]

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>Подосье</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Подрелье</i>	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Поясница</i>	Пожня [Hayfield]	Коломенский [Kolomenskiy]
<i>Пукуев</i> [на Неве, под деревню под Дубком]	Ручей [Stream]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Пучаха</i> [на Неве, под деревню под Дубком]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Сергеевская</i> [на Неве на Корельский стороне]	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Средняя</i> [на реце на Кернове]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
<i>Скудельнич</i> [в Обонежский пятине на Волхове]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Смушинская</i> [на усть Керести]	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Сомино</i>	Неизвестная идентификация [Unknown identification]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Столбец</i>	Пожня [Hayfield]	Солецкой [Soletskoy]
<i>Теребьшево</i>	Пожня [Hayfield]	Грузинский [Gruzinsky]
<i>Турика</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Федоровская</i> [на реце на Неве]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Федоровская</i> [под деревню под Валитою]	Пожня [Hayfield]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Хотовской</i>	Овраг [Ravine]	Пережский [Perezhskiy]

Окончание табл. 1

Название объекта [Name of the object]	Тип объекта [Object type]	Погост [Parish]
<i>Хутря</i> [на Неве, под деревню под Дубком]	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]
<i>Черной Ручьей</i> [у города у Копорьи]	Пожня [Hayfield]	Каргальский [Kargalskiy]
<i>Шишкова</i>	Тоня [Fishing ground]	Спасо-Городенский [Spaso-Gorodensky]

Топонимические эквиваленты характеризуют стадию номинативно-го генезиса. Вместе с тем данная группа также неоднородна, поскольку мы отдельно классифицировали следующие конструкции.

1.1. **Макролокативные конструкции.** В этой группе оказались названия, которые можно только условно назвать микропонимами, поскольку это, скорее, локативные детерминанты, или композитные макропонимические образования, не называющие микрообъекты, но привязывающие их к крупным озерам, рекам и прочей гидрографии, которые, как правило, картографированы и известны широкому кругу людей. Сюда попали такие конструкции, как *на³ Ладожском озере на Лопской стороне, промеж Орешка городка и на Изре* (пж⁴, Сп. Гор.); *на усть Керести* (пж, Груз.); *под монастырем под Николским на Полисти* (пж, Груз.); *на Ладожском озере под Березовцом* (тн, Куйв.) и др. Здесь все компоненты конструкции представляют собой названия крупных объектов: оз. Ладожское, кр. Орешек, р. Кересть, р. Полисть, д. Березовец, мон. Никольский.

Как видно, среди таких названий встречаются многословные формы, содержащие в своей структуре сразу четыре макроназвания (как в первом примере) или одно, например, *под Москотовым* (пж, Куйв.), где *Москотово* – ойконим. В качестве макрообъектов могут выступать такие варианты, которые вышли из употребления еще в допетровское время, например, *на море, на острове на Сандую* (пж, Сп. Гор.). Пожня

³ По причине того, что все эти названия содержат только макролокативы, мы будем записывать их начало со строчной буквы.

⁴ Список сокращений: арх. – архангельское; белоз. – белозерское; Груз. – Грузинский (погост); д. – деревня; Дм. Гор. – Дмитро-Городенский (погост); кар. – карельское; Карг. – Каргальский (погост); кр. – крепость; Куйв. – Куйвошский (погост); мон. – монастырь; новг. – новгородское; оз. – озеро; пбф. – прибалтийско-финское; Пер. – Пережский (погост); пж – пожня; Пид. – Пидебский (погост); пск. – псковское; р. – река; Солец. – Солецкой (погост); Сп. Гор. – Спасо-Городенский (погост); тверск. – тверское; тн – тоня; церк.-слав. – церковно-славянское.

находилась на месте нынешнего Петербурга, а название острова *Сандуй* относится к одним из старейших названий Елагина, Каменного и Крестовского островов. Название перестает упоминаться в источниках с 1640-х гг.

1.2. **Микролокативные конструкции.** Эта группа определяется такими названиями, в структурный состав которых «вложены» микротопонимы, однако до прямой номинации не дошли, поэтому носят по-прежнему описательный характер: *На жару и в Кахкуле* (пж, Сп.Гор.); *В Сомино* (пж, Груз.); *В Розсохе* (пж, Груз.); *На Вередке же* (пж, Груз.); *На Пукуеву ручью* (тн, Сп. Гор.); *На Ригочине* (тн, Сп. Гор.) и др. В качестве локатива выступают сами микротопонимы, хотя как таковое прямое название пожни не указывается. Географическим ориентиром в данном случае выступают названия микрообъектов *Кахкула*, *Розсоха*, *Сомино*, *Пукуев ручей*, *Ригочино* и т.д. Не исключено, что названия пожен и тоней в таких предложно-падежных конструкциях могли метонимизироваться, когда происходил перенос названия с локатива на сам объект – пожню или тоню, и бытовали в устной форме: *В Кахкуле* → *Кахкула*, *На Ригочине* → *Ригочино* и т.д.

1.3. **Полиуровневые локативные конструкции.** Группа этих топонимов отличается от предыдущей, микролокативных конструкций, тем, что в их составе присутствует многоступенчатая система локализации – <крупный объект + мелкий объект>: *На Ладожском озере, на Кошкине носу* (пж, Сп. Гор.); *По реце по Кересте на устье и по Волхову в Лютике* (пж, Груз.); *На Волхове к Стечки, повыше Хотовского врага* (пж, Пер.) и др. Здесь *Кошкин нос*, *Лютик* и *Хотовской овраг* – это названия микрообъектов.

В группе топонимических эквивалентов локализация объектов осуществляется через привязку к водным объектам (*на усть Керести, на Волхове*), ориентацию по населенным пунктам (*у города у Копорьи*) и использование природных ориентиров (*под Дубом, у Камени*). Среди локативов довольно много гидронимических, причем зачастую они перемежаются с другими локативами: *на море, на острове на Сандую* (море + остров); *На Ладожском озере, на Кошкине носу* (озеро + мыс); *под монастырем под Николским на Полисти* (монастырь + река); *в Моневише на усть Жавыни* (река + река); *на Ладожском озере под Березовцом* (озеро + деревня); *На Волхове к Стечки, повыше Хотовского врага* (река + деревня + овраг); *меж Тухани и Нурмиею у озера* (деревня + деревня + озеро) и т.д.

Встречается некоторое количество конструкций, еще больше детализирующих местоположение угодыя: например, *над Веткою на бротку, на Глазачеве противу Мокроусова* (пж, Пид.), где в составе вычленяется

деревня *Ветка над рч. Веткою*, гидронимический локатив ‘на бротку’, далее следует неясный микрообъект *Глазачево*, и замыкается цепочка указанием деревни *Мокроусово* [НПК III, с. 23]. Таким образом, пожня находилась между современной деревней Ветка на р. Питьба (58°37'28" с. ш. 31°19'38" в. д.) и, по всей видимости, исчезнувшей деревней *Коробейниково Мокроусово*, земля которой принадлежала Николо-Вяжищскому монастырю [Анкудинов, 2013, с. 162].

Таких микрообъектов, как *Глазачево*, которые не поддаются типологизации, в писцовых книгах несколько: в *Кахкуле*; *конец Лютика / в Лютике*; *против Пересухи*; в *Сомине*; *под Залазном*; в *Подрелье*; в *Розсохе*; *на Вередке же*; *на Ригочине*; *под Рогом*; *у Камени*; *под Дубом*; *у Креста*. Это микротопонимические локативные детерминанты, описывающие местоположение пожен, тоней и лугов. Предлоги *на, под, у, в* могут указывать на локализацию и возле озера, и на речке/ручье, и даже на какой-то местности. Они не идентифицируются ни как деревни/села/сельца, ни как пустоши, в отличие от таких конструкций, как *под Москотовым* < деревня *Москотово Кокорино на Куйвоше* [ПКВП, с. 146], т.е. пожня находилась рядом с деревней.

2. Прямые микротопонимические номинации. К ним относится многочисленная группа микротопонимов (77 единиц), которые напрямую именуют объект и которые прошли этап номинативного генезиса. Для многих названий указаны их локативные детерминанты: например, *Морткино* (пж, Дм. Гор.), *Коловая* [на усть Керести] (пж, Груз.), *Валитово* (пж, Пид.), *Кочевятици* [у города у Копорья] (пж, Карг.), *Столбец* (пж, Солец.) и мн. др.

Среди таких названий особую подгруппу составляют деантропонимные в притяжательной форме: *Федоровская* [под деревнею под Валитою] (пж, Сп. Гор.), *Кириловская* (пж, Груз.), *Сергеевская* [на Неве, на Корельской стороне] (пж, Сп. Гор.) и др.

В группе прямых микротопонимических номинаций представлены большей частью однословные топонимы, и только пять состоят из двух компонентов: *Марков Остров* (пж, Пид.), *Черной Ручья* [у города у Копорья] (пж, Карг.), *Карповы Нивица* [у города у Копорья] (пж, Карг.), *Вострая Лука* [на Острой реке за Волховым, в Обонежье] (пж, Груз.), *Лукинская Федорова* [под Хотовичами] (тн, Пер.).

Деантропонимные названия можно разделить на три группы, исходя из их деривационной структуры.

Суффиксальные образования: *Федоровская* (пожня, тоня) < от личного имени *Федор*; *Сергеевская* (пожня) < от личного имени *Сергей*; *Михайловская* (пожня) < от личного имени *Михаил*; *Онтоновская* (пожня) < от варианта имени *Антон*; *Кириловская* (пожня) < от личного

имени *Кирилл*; *Лукьяновские* (пожня) < от личного имени *Лукьян*; *Нероновская* (пожня) < от личного имени *Нерон*; *Волотовская* (тоня) < от некалендарного личного имени *Волот*.

Вместе с тем в писцовой книге также перечисляются пожни по именам их владельцев. Практически все эти объекты указаны с привязкой к гидрониму или хорониму: на *Волхове 2 пожни*, ***Ивановскую Захарьина сына Овинова***, да ***Федоровская Победицкого Столбец*** – Солецкой погост [НПК III, с. 428]; на *Волхове пожни Яковльская Губина* к *Стечки*, *повыше Хотовского врага*⁵ – Пережский погост [Там же, с. 488]; *около озера Глубокого пожни Васильевские Онаньина* – Пережский погост [Там же].

Очень много таких случаев отмечается в Грузинском погосте: *по реце по Кересте на устье и по Волхову пожня Федоровская Остафьева сына Глухова* в *Лютике*; *пожня Остакна Манкина*, да *сына его Панфилка* *конец Лютика*; *пожня Кирилка Парфеева* *над Кересью* *напротив Лютика*; *пожня Кирилка Андреева сына Дурина* в *Лютике*; *пожня Грихна Прохнова* в *Розсохе*; *пожня Васка Сенкина с братьею Подосье*; *пожня Кости Бабкина* на *Вередке же*; *пожня Ивана Кумина Бабкина* *за озерком за Незнатью*; *пожня Петра Суцова* *за озером за Лунином*, *против Пересухи*; *пожня Тимошки Дицанника* *против Пересухи* *за Лукиным же*; *пожня Якова Губина Селезнева* *за озерком за Незнатью*, *противу Дубровиц*; *пожня Власка Трубицына* в *Моневше* *на усть Жавыни*; *пожня Кривец Яковльская Губина*, да *возле ту пожни Ивановского Малога*; *пожня Марьинское Ивонинская Богданова* *под монастырем под Николским на Полисти*; *пожня Яковльская Тютихина* *конец Лютика* [НПК III, с. 451].

Во всей писцовой книге таких имен владельцев очень много, но среди них встречаются имена именно тех посадников, бояр, тысяцких и житьих новгородских, которых мы узнали во время прихода Великого князя в Новгород в 1476 и в 1478 гг. Как бывшие собственники земель в писцовой книге упоминаются, например, Иван Захаров сын Овинов, Федор Яковлев Победицкий, Яков Губин (Селезнев), Василий Онаньин, Федор Астафьев сын Глухов и др. В сущности, все они указаны выше как владельцы пригородных пожен.

В данном случае имя владельца указывало лишь на принадлежность пожни ее хозяину, а не ее уникальную онимную «метку». Например, в Каргальском погосте за землевладельцем Андреем Телятевым были закреплены *пожни Одреевские у города у Копоры*: *пожня Кочевятици*, *пожня Карповы Нивища*, *пожня Черной Ручай* [Там же, с. 517, 520].

⁵ По деревне Хотовичи.

Сначала сказано, чьи угодья, а затем перечисляются их собственные названия.

Посессивные образования: *Морткино* (пожня) < от прозвища *Мортка*; *Кобылино* (пожня) < от прозвища *Кобыла*; *Куземкин* (луг) < от уменьшительной формы *Куземка* имени *Кузьма*; *Пукуев* (ручей) < от некалендарного прибалтийско-финского имени *Пукуй*.

Составные наименования: *Марков Остров* (пожня) < от имени *Марк*; *Карповы Нивища* (пожня) < от имени *Карп*; *Лукинская Федорова* (тона) < от личных имен *Лука* и *Федор*.

Таким образом, можно видеть, что при анализе микротопонимической системы Водской пятины выявляется неравномерное распределение названий по погостам. Наибольшая концентрация микротопонимов наблюдается в Грузинском и Спасо-Городенском погостах, причем в первом преобладают названия пожен, а во втором – тоней. Грузинский погост отличается обилием названий пожен, что указывает на развитое сельское хозяйство, особенно сенокосные угодья. Названия здесь часто связаны с гидрообъектами (*на усть Керести, на Ручьях*), что свидетельствует о важности водных ресурсов для хозяйственной деятельности. Значительное количество тоней в Спасо-Городенском погосте объясняется его выгодным географическим положением на Ладожском оз. и р. Неве. Здесь фиксируются многочисленные тони на Неве.

Очень скудные сведения об агроономах приведены по Копорскому и Ямскому уездам. Из всего описания удалось найти только несколько названий пожен вокруг Копорья и на р. Кернове (сейчас – р. Воронка). По Ямскому уезду в писцовой книге вообще нет никакой микротопонимической информации. Очень мало говорится о пожни, которую обрабатывали крестьяне из Войносолово, Пиллово, Великино и Кикина Бора. Поселения входили в волостку Богдана Норовова: *А пожня у них у моря и у Хабалинского озера и у Лужицы реки и на усть Луги реки* [НПК III, с. 921]. То же самое встречаем в волостке детей Норововых, где крестьяне имели свои пожни: *А пожни у них у моря меж Лужыцы реки и Хабалинского озера* [Там же, с. 928].

Вместе с тем упоминание микрообъектов, безусловно, зависит от полноты кадастрового описания, от специфики самой документации и важности фиксации сельскохозяйственных угодий в зависимости от множества факторов.

Полнота описания микрообъектов в писцовых книгах определялась прежде всего фискальными задачами кадастрового учета. Писцы фиксировали только те угодья, которые имели экономическое значение для налогообложения. Видимо, отсюда детальное описание пожен в Грузинском погосте и тоней в Спасо-Городенском.

Географические факторы играли ключевую роль в степени детализации. Территории вдоль крупных водных артерий (Волхов, Нева, Ладожское озеро) описывались подробнее из-за их стратегического и торгового значения. Спасо-Городенский погост с его многочисленными тонями на Неве – яркий пример такой привилегированной фиксации. Напротив, периферийные земли Копорского и особенно Ямского уездов остались слабо документированными.

Административно-правовые особенности также влияли на полноту описания. Монастырские и боярские владения часто описывались более детально, поскольку их землевладельцы имели больше правовых оснований для точной фиксации границ и угодий. Так, в погостах Ореховского уезда, к которому относился упомянутый выше Спасо-Городенский погост, было очень много монастырей, в отличие от западных уездов Водской пятины, а также проживало 599 своеземцев, и это был самый большой уезд по количеству земельных собственников из числа крестьян [Сергий, 1905, с. 69]. Иными словами, служилый характер землевладения требовал точной фиксации доходных угодий – отсюда подробное описание рыбопромысловых тоней И.М. Вольнского «под Сосною» и в Ригочино, В. Харланова на Пашской губе, поскольку эти промысловые участки составляли основу материального обеспечения службы. Напротив, неосвоенные пустоши без двора и кола (*нет деи на тех пустошех двора, ни кола*), которые массово раздавались помещикам для колонизации, не имели устоявшихся местных названий и потому слабо отражены в микротопонимии писцовых описаний [Михайлова, 2016, с. 33–39].

Плотность заселения и хозяйственная освоенность территории прямо коррелировали с количеством зафиксированных микротопонимов. Районы интенсивного земледелия требовали более дробного территориального деления и, соответственно, большего числа локальных названий.

Наконец, техническая компетентность писцов и их знакомство с местной топонимической традицией определяли качество фиксации микрообъектов. Местные названия могли быть пропущены или искажены при записи, особенно в отдаленных районах.

Весьма интересны некоторые географические детерминативы в предположно-падежных конструкциях. Разберем их подробнее.

В Подрелье < ‘под’ + *рель* ‘сухое возвышенное место, гряда, остров среди болота или низменной местности’; ‘лес, растущий на сухом, возвышенном месте, выделяющийся среди всего лесного массива, обычно лучший, строевой’; ‘песчаный нанос продолговатой формы на реке, отмель’; ‘часть, полоса обрабатываемого участка земли, пашни, луга’; ‘участок земли, периодически затопляемый водой, низина у реки, луг

на таком месте' [СРНГ-35, с. 50]. «Релям называют такие узкие пожни, когда у полосы с обеих сторон вода и заливаает рель весной» – Старорусский район Новгородской области [НОС, с. 1027]. Все эти значения термина бытуют в Ленинградской, Новгородской, Псковской областях, отсюда же и топонимия: деревни Рель и Релка в Ленинградской области; деревни Реля, Зарелье, остров Большая Рель в Новгородской области. В Кировской области также есть село Подрелье. На Вологодчине релью называют болото [СРНГ-35, с. 50]. Термин имеет многофункциональную семантическую парадигму в зависимости от региона и, соответственно, различные формы: *ролка* 'узкий участок земли', 'мыс на озере', тверск.; *ориолка*, *риолка*, *релка* 'мысок', 'холм у слияния двух рек', 'сухая грядка, поросшая лесом, среди болот', белоз. [Мурзаев, 1984, с. 330]. Слово *рель* отмечено в новгородских грамотах, начиная с XII в., в значениях 'пойменный сенокосный луг', 'небольшая возвышенность среди болот' [Там же].

В Новгородской области данный термин имеет также значения 'сенокосный участок; луг', 'прибрежный заливной луг', 'участок (чаще сенокоса) в форме длинной, узкой полосы, часто заливаемый в половодье', 'болотный луг' [НОС, с. 1026–1027]. При описании в 1861 г. плана земельного надела крестьян в даче д. Вылеги Коломенской волости Новгородской уезда были (сейчас – д. Вылеги Новгородского района, на правом берегу р. Волхов) упомянуты два микро-топонима – названия сенокосов *Коломенская рель* и *Кузинская рель*⁶. Пожня в *Подрелье*, как и многие уголья Грузинского погоста, находилась в топком месте. Это был, скорее всего, заливной луг, находившийся возле озера, болота или реки.

В Розсохе < *рассоха* 'раздвоение, развилок, слияние рек, устье'; 'двойное верховье рек, два источника, питающие реку; 'приток второстепенной реки, впадающей в основную реку' [Мурзаев, 1984, с. 327]. Термин широко распространен в славянской гидронимии. Топонимное гнездо с данным термином обширно и покрывает всю Россию – от Архангельской области до Таймыра. Среди названий многочисленны гидронимы, но встречаются также ойконимы: например, д. Рассохи в Лужском поселении Ленинградской области; д. Россохи в Архангельской области.

На Вередке. Из возможных интерпретаций топоосновы могут быть следующие. Аpellятив встречается в говорах Новгородской области в форме *верётка* со значениями 'маленький участок земли' (*Марья-то*

⁶ План земельного надела крестьян в даче деревни Вылеги Коломенской волости Новгородской уезда, 1861 год // Государственный архив Новгородской области. Ф. 236 (Новгородская губернская чертежная). Оп. 7. Д. 41. Л. 1.2.

косила на верётке), ‘возвышение среди болота’ (*Мы собирали в болоте клюкву, а на верётке нашли много подберезов*), ‘лес на возвышенном месте’ (*Настюшка за грибами на Верётку ушѣдцы, место тако есть, хребтинка така*) [НОС, с. 98]. Термин мог быть и производным от *веретья* ‘возвышенное сухое место на низменности: среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки’ [СРНГ-4, с. 138]. От этого термина образовано большое гнездо топонимов: Веретейка встречается в Белоруссии (как деревня – в Минской, Витебской области; как река – в Гродненской области) и в Полавском районе Новгородской области; село Веретя в Ярославской области; село Веретье в Рязанской и Воронежской областях; д. Веретье в Вологодской, Ленинградской, Псковской, Тверской, Ярославской областях.

Конец Лютика / в Лютике. Производными основами для микропонима могут быть несколько терминов. Во-первых, компонент названия *Конец* может указывать на то, что *Лютиком* называлась дорога или ее часть: в XV–XVI вв. бытовали такие термины, как *лютчик*, *людцик*, *люцик* ‘дорога’ [СРЯ-8, с. 345]. Во-вторых, мотивировочной основой могла послужить и форма достаточно древнего славянского имени-прозвища *Лютик* < *Лють* [Зализняк, 2004, с. 340] < *лютити* ‘быть самоуверенным, самонадеянно говорить’, ‘шуметь, бушевать’; отсюда связь с *лютый* ‘злой, яростный’ [Кюршунова, 2010, с. 868]. Диминутивная форма прозвища *Лютик* зафиксирована в разных письменных источниках XVI в.: *Лютик*, крестьянин, 1545 г., Новгород; *Лютик* Иванович Крекшин, 1564 г.; Григорий *Лютиков*, псковский сведенец в Казани, 1565 г. [Веселовский, 1974, с. 189]; опричник Розвозов *Лютик* Чагодаев сын, который входил в Особый двор Ивана Грозного в 1573 г. [Станиславский, 2004, с. 65]. В дальнейшем прозвище *Лютик* послужило основой для производства фамилии: Федько *Лютиков*, Марко *Лютиков*, крестьяне Сакульского погоста Корельского уезда, 1568 [Кюршунова, 2010, с. 868].

Против Пересухи < *пересух* ‘отмель в малую воду’, пск., тверск. [СРНГ-26, с. 236]. Пожня упоминается в тексте писцовой книги два раза, один из них – за озером за Лунином, *против Пересухи* [НПК III, с. 451]. В Грузинском погосте находилось два озера – Лунино и Незнание, да и сама территория бывшего Грузинского погоста – болотистая. Данный термин обычно связан с обозначением водных объектов или мест, которые периодически пересыхают. В топонимии восточных славян такие названия часто относятся к ручьям или небольшим рекам, пересыхающим в определенное время года; болотам, которые могут высыхать; низинам, где периодически пропадает вода. Например, вблизи р. Оногры известны, к примеру, озера *Первая* и *Вторая Пересуха*,

которые «почти полностью обсыхают при малой воде» [Кабинина, 2009, с. 114]. В Холмогорском районе Архангельской области оз. Глубокое имеет второе название *Пересуха* [Летова, 1982, с. 39]. Академик И.И. Лепехин в 1768 г. записал, что «верстах в двух пониже Брусян впадает в Волгу небольшая речка Сухая Брусяна – от пересухи так называемая» [Цит. по: Виноградов, 2017, с. 25]. Термин иногда служил мотивировкой для наименования возникших на таких «пересушенных» местах поселений: например, в Курской и Орловской областях есть д. Пересуха. Таким образом, пожня *Против Пересухи* находилась вблизи водного места, имеющего свойство пересыхать.

Под Залазном < *залазь* ‘отверстие для влезания куда-либо’, ‘отверстие, окно в риге, через которое бросают снопы в ригу для сушки, лаз’, ‘зарубка, затес на дереве’, ‘обломанный или обрубленный ряд ветвей у верхушки ели для приметы места’ [СРНГ-10, с. 192]. Территория Водской пятины не знает ойконимов с данной топоосновой, и в сегодняшней топонимической системе Ленинградской и Новгородской областях нет названий, содержащих данный термин. Все же представляют интерес последние два значения этого термина. И.И. Муллонен приводит в пример такое выражение, как *делать залазь*, когда при первом посещении нового места человек угощал своего провожатого спиртным, а тот в ответ забирался на высокую ель и обрубал на ее вершине ветки, делая «залазь». В этом смысле термин *залазь* является русским эквивалентом карельского термина *karsikko*. В топонимии он распространен в северных и центральных районах Архангельской области, а также фиксируется в восточной Карелии – в Поморье и Пудожье: *Залазное озеро*, *Залазной мох*, *Залазная корга*, *Залазной мыс*, *Залазной остров*, *Залозное поле* и др. Данный термин *залазь* неизвестен русским говорам Карелии и пришел, по мнению И.И. Муллонен, с Востока, из архангельских земель, через Пудожский берег Онежского озера, а самым западным районом проникновения архангельского термина является, по видимому, Заонежский полуостров, где обнаружено, по крайней мере, два топонима с этой основой: лес *Залазный бор* (д. Воробьи) и небольшой островок *Залазник* (или *Залазный остров*) [Муллонен, 2014, с. 227].

Любопытно, что на территорию южной части Водской пятины, в Грузинский погост, термин *залазь* проник с севера как будто окказионально. Учитывая болотистую почву погоста и обильное количество пожен в этом погосте, пожня под *Залазном*, скорее всего, находилась на топком месте и даже, возможно, на берегу какого-то озера. Коллективная народная память не сберегла разъяснения происхождения именованья, тем не менее в рамках функционального подхода к значимым деревьям возможно предположить, что подобным деревом могли обозначать

границу перехода от собственной, освоенной, местности к просторам открытого озера [Муллонен, 2014, с. 227]. К тому же и карельский термин *karsikko*, называющий приметные деревья с обрубленными особым образом ветвями или вершиной, соотносился в народной культуре с широкой функциональной парадигмой, когда люди помечали границы в том числе и рыбных тонь, и эти границы выступали знаками «обновления территории» и т.д. [Конкка, 2009, с. 32–38].

На Кирьеволоцком песку < пбф. антроп. *Kirjava* + *волок* ‘участок суши между двумя судоходными реками, через который перетаскивали (волочили) суда’. Термин *песок* означает ‘побережье’. Кирьеволоцкий песок был, по всей видимости, не таким уж неприметным для Новгорода объектом. Он находился на берегу Ладожского озера, и на том месте располагалось 16 тонь. Из них были какие-то великокняжеские, некоторые помещичьи и монастырские. Это свидетельствует о том, что экономические отношения по части рыболовства между Новгородом и Приневьем были довольно неплохие, поскольку на Кирьеволоцкий песок приезжали ловить рыбу не только «гороцкие люди» из Новгорода, но и «владычнь повар», т.е. повар самого архиепископа Новгородского (владыки) [ПКВП, с. 11].

Это двухкомпонентное название содержит одно из древнейших прибалтийско-финских имен/прозвищ *Kirja(va)*, наряду с такими, как *Hima*, *Iha*, *Lempi*, *Kakki*, *Kaipa*, *Vihtu* и т.д. [Karlova, 2015, p. 148; Керсу, 2015, p. 130]. Ойконим *Кирьявола/Кирьявала/Керьявала/Кирьявалы* < кар. *Kirjaval* встречается в документации XVII в. по Олонецкому уезду, а именно в Ведлозерье. Антропоним *Kirjava* восходит к кар. *kirjava* ~ *kirjavu* ‘пестрый; с пятнами другого цвета на основном фоне’, что в результате дало перенос ‘с веснушками или пятнами на лице’ [Захарова, 2020, с. 102]. Ср. с исчезнувшей деревней *Kirjalava* (сейчас – *Kirjavalan kanava*), Париккала, Южная Карелия. При этом допускается, что часть карельских имен на *Kirj-* могут иметь греко-славянское происхождение: их источником является православно-карельское крестильное имя *Kirja*, которое пришло в финский язык через русский язык как вариация греческого имени *Kyrios* или *Kyriakos* [SPK, p. 163], т.е. Кирьян.

На Ригочине. Тоня находилась на территории Спасо-Городенского погоста Ореховского уезда. Ее примерное местоположение указано в районе города Ладоги (сейчас Старая Ладога). Наряду с тонями *Подмогилицы*, *Скудельнич*, *Огородок*, тоня *На Ригочине* относилась к двум деревням – *Озерца* и *Сюрья*. Последняя существует и поныне. Топооснова *Ригоч-*, скорее всего, связана с термином *ригача*, *ригоча* ‘рига’, ‘сарай для сушки и обмолота снопов’ [СРЯ-22, с. 161]. Названия

с данной топоосновой отсутствуют в Ленинградской области, а в Карелии представлены исключительно гидронимами: оз. *Ригочное* (62°55' 35"32'), что восточнее оз. Шиженского, и озера *Ригочные* (65°52' 34"26') в среднем течении р. Кятка.

Интересна структурно-семантическая форма микропонимов, выступающих в функции прямых номинаций угодий.

Скудельнич < *скудельница* 'кладбище, общее место погребения'; 'общая могила, во время мора, или общая могила погибших, по какому-либо несчастному случаю, или общая могила вне святой земли (вне кладбища), где погребают самоубийц, опойц, утопленников, поднятые трупы странников и пр.' [Даль, 2006, с. 215]. Название тони может быть мотивировано рядом располагавшимся кладбищем, учитывая, что недалеко находилась тonya *Подмогилицы*. Кстати, обе тони входили в ведение деревень Озерца и Сюрья.

Само слово *скудельница* является библеизмом. Из Евангелия известна так называемая Акелдама, или Земля Крови, Земля Горшечника (церк.-слав. *село Скудельнице*). Это участок земли в Иерусалиме, купленный для погребения странников на деньги, полученные Иудой Искариотом от первосвященников за предательство Иисуса Христа. Почва на этом участке насыщена жирной глиной, которая в прошлом использовалась гончарами (*скудель* 'глиняный сосуд, горшок' > *скудельник* 'горшечник, гончар'). Действительно, изначально в старину *скудельницами* назывались места, богатые глиной и к посевам не пригодные. Когда глину всю выбирали, место отдавали под погребение странников, нищих, иноподцев и умерших в эпидемиях. С тех пор *скудельницами* на Руси стали называть любое место для погребения (подробнее см. [Сорокин, 2015]). *Село Скудельнице* – пожалуй, единственный ойконим с таким апеллятивом, запечатленный в тексте Нового Завета и известный нам с древнейших времен.

Коловая < *кол* 'палка, жердь определенной длины, употребляемая для измерения земельных участков (при разделе земли)' («Каждая пожня... разбивается на десять частей... через кол»); 'земельная мера (при разделе пахотной земли, сенокосных угодий и т.д.)'; 'земельный надел; определенное количество пахотной земли, луга, покоса' [СРНГ-14, с. 109]. В одной из купчей 1460–1470-х гг. зафиксировано такое выражение, как «коловая пожня»⁷. Одна из 14 десятинов новгородской земли называлась *Коловая*, южная граница которой проходила по р. Ояти, охватывая территорию нижнего и среднего течения рек Ояти и Свири и олонечки

⁷ Санкт-Петербургский институт истории РАН. Русская секция. Коллекция 12. Оп. 1. Д. 192.

земли. В сущности мотивировка микротопонима очевидна: пожня получила свое название по самой процедуре измерения земельных участков между владельцами, таким образом, были указаны границы угодий.

Дорница < *дор* ‘вновь расчищенное место под сенокос или под пашню’ [СРНГ-8, с. 359]; ‘дер, распашь, росчисть, расчистка, починок, чащоба, подсека, кулига, драки, пожога’ [Даль, 2006, с. 530]. В Архангельской и Вологодской областях *дором* называют новое селение на чистом возвышенном месте. Отсюда же и топонимия – *Аникин Дор, Собакин Дор, Амелин Дор, Карасин Дор* на Вологодчине [СРНГ-8, с. 359]. Суффиксация через *-ниц* конкретизирует само место, где должна быть произведена расчистка, или место, пригодное/предназначенное для проведения такой распашки – ‘место для дора’. Ср. с *гробница* ‘место для гроба’, *звонница* ‘место для колокольного звона’, *глазница* ‘место для глаза’, *чернильница* ‘сосуд для чернил’ и т.д. Таким образом, пожню могли назвать так и даже до того, как на ней был произведен дёр.

Теребышево < *теребить* ‘расчищать землю под пашню или покос’ [СРНГ-44, с. 67]; *тэреб* ‘расчищенная из-под мелкого кустарника под пожню земля’, арх. [Подвысоцкий, 1895, с. 172]. Данная топооснова широко отложилась в топонимии Русского Северо-Запада (как и на Русском Севере, в Поочье, на Украине и в других регионах), маркирующей участки подсечного земледелия; большинство топонимии на *Тереб* имеет прямое отношение к участкам «теребления»: *Теребышино* 1575, Опоцкий погост Шелонской пятины; *Теребушино* 1498, Паозерье; *Теребешево* 1495, Холовский погост Деревской пятины [Васильев, 2012, с. 276]. Интерпретация данной топоосновы двусмысленна. В.Л. Васильев полагает, что, с одной стороны, в славянском ономастиконе до сих пор бытуют личные имена с основой **terb-* и с *-š*-суффиксацией (польск. *Trzebosz*, полаб.-помор. *Trebuš*, *Trěbiš*, н.-луж. *Trěboš*, *Trěbuš*), однако суффиксация *-уш-*, *-ьш-*, *-ош-* у восточных славян «часто характеризует бесспорно деапеллятивные топонимы» [Там же]. И.А. Кюршунова склонна считать, что при имеющемся «подсечно-огневом» значении основы *теребить* нельзя отрицать и ее деантропонимное происхождение. В писцовой документации по Обонежской пятине зафиксированы Фетка *Теребов* и Гришка *Теребов*, что может быть связано с происхождением от основы *теребить* ‘наказывая, бить, ругать’, при этом следует учесть и значение глагола *теребэить* ‘беспокоить постоянно просьбами, требованиями’. Все эти значения, правда, бытуют в Медвежьегорском и Пудожском районах Карелии [Кюршунова, 2010, с. 1478].

Подосье < ‘под’ + *оса* ‘осина’; от апеллятива образовалось собир. *осьё* ‘осиновый лес, осинник’, распространенное в новгородских, псковских, смоленских говорах [СРНГ-24, с. 101; НОС, с. 747]. В Гдовском

и Дновском районах Псковской области есть д. *Подосье*. Ср. с д. *Подосье* Псковского района Псковской области. В новгородской письменности XV–XVI вв. подобные названия, мотивированные апеллятивом *оса*, – довольно частое явление: *Заосье*, *Подосье*, *Подозье* (= *Подосье*) [Васильев, 2012, с. 455].

Глажево < *глажі́* ‘растение морошка’, новг. [НОС, с. 162]; ‘морошковый кустарник; место по мшарнику, богатое морошкой’ [Даль, 2006, с. 409]. Отсюда же *глажэ́вник* (*глажі́вник*, *глажѡ́вник*), *глажан* ‘заросли морошки’; *глажэ́вник* ‘болотистое место’ [Там же] – ср. с болотом *Большой Глажевник*, Боровичский район Новгородской области (58°59' 34°05'). В Чудовском районе довольно много топонимии с данной основой: урочище *Глажевик*, левый берег р. Керести (58°57' 31°18'); болото *Глажевик*, правобережье ручья Спасский (59°00' 32°27'); урочище *Глажевник*, междуречье рек Шульга и Близня (57°11' 30°59'); урочище *Глажевицкое*, между рек Ланошенка и Черная (58°50' 32°25'). В Ленинградской области топооснова распространена только в Киришском районе в Приволховье, где отмечаются *Глажево* как деревня (59°40.5' 32°07.1') и поселок (59°39.1' 32°06.9') в пределах одного сельского поселения, а также одноименное болото *Глажевское* (59°42.5' 32°07.1'), находящееся к северу от деревни. Обращает внимание то, что названия на *Глаж-* закреплены в большинстве своем за урочищами и болотами.

Ключеватка. Данный термин отсутствует в говорах Ленинградской области и сопредельных областей. В Архангельской области *ключеватым* называется кочковатое место. В районе села Кянда в Онежском районе Архангельской области некое болотистое место носит название *Ключеватка* [Жигальцова, Бодэ, 2023, с. 29]. В говорах Кировской области есть географический термин *ключеватка* ‘клоковатое место на покое’ [СРНГ-13, с. 306]. Инверсионный индекс к «Словарю русских народных говоров» содержит ряд слов с аналогичной структурой: *ключеватка*, *песковатка*, *игловатка*, *кормоватка*, *носоватка* и др. В севернорусской микропонимике наименования с суффиксами *-оватка/-еватка* встречаются довольно часто [Рудных, 1967, с. 40]. Н.М. Тупиков ошибочно отнес название этой пожни к деантропонимным, решив, что оно образовано от личного имени *Ключеваток*, неверно интерпретировав запись в писцовой книге «в Грузинском погосте пожня Сидора Лашина *Ключеватка*» [Тупиков, 1903, с. 182].

За рамками настоящей статьи осталось немало выявленных микропонимов, которые, безусловно, также требуют своего анализа, однако ввиду ограниченного объема исследования эти названия составят предмет отдельного рассмотрения.

Проведенное исследование микротопонимии Новгородских писцовых книг позволяет выделить несколько основных лексико-тематических групп, каждая из которых отражает определенный аспект восприятия и освоения пространства средневековым населением региона.

Физико-географическая группа является наиболее репрезентативной и демонстрирует тщательность наблюдения за особенностями ландшафта. Это свидетельствует о приоритетности природно-географических факторов в процессе номинации малых объектов. Хозяйственно-производственная группа микротопонимов непосредственно связана с экономической деятельностью и указывает на доминирование подсечно-огневого земледелия в комплексе с различными промыслами. Деантропонимные наименования занимают значительное место в системе и отражают важность закрепления имущественных прав в средневековой системе землепользования. Особую лингвистическую ценность представляют иноязычные микротопонимы, демонстрирующие сложные процессы языкового взаимодействия на территории Новгородской земли. Локативная группа микротопонимов представляет интерес с точки зрения изучения когнитивных моделей пространственной ориентации в традиционной культуре.

Выводы

Комплексный анализ микротопонимического корпуса средневековой Водской пятины раскрывает фундаментальные закономерности формирования и функционирования локальных топонимических систем в контексте социально-экономических и этнокультурных процессов позднего средневековья. Выявленная территориальная дифференциация микротопонимов с концентрацией агроонимов в Грузинском погосте и промысловых названий в Спасо-Городенском детерминирована не только природно-географическими условиями, но и механизмами фискального контроля московской администрации, что позволяет реконструировать иерархию экономических приоритетов государственной политики в новгородских землях.

Структурно-деривационный анализ демонстрирует преобладание однословных номинаций (82%) над составными формами, что маркирует стадийные особенности топонимобразования и отражает принципы номинативной экономии в условиях локального языкового сообщества. Выявленная система топонимических эквивалентов представляет уникальный материал для изучения процессов ономастической транзитуции – перехода от описательных конструкций к собственно именованным формам, фиксируя незавершенные стадии топонимизации.

Этнолингвистическая стратификация корпуса обнаруживает сложную структуру, где прибалтийско-финский субстрат взаимодействует с древнерусскими инновациями, создавая гибридные номинативные модели. Это свидетельствует о продолжительных ассимиляционных процессах в зоне славяно-финского этнокультурного пограничья.

Идентификация архаичных географических терминов (*рель, залазь, теребь, дор*) расширяет представления о диалектной лексике древне-новгородского региона и позволяет верифицировать ареальные характеристики севернорусских говоров.

Когнитивно-пространственный анализ локативных конструкций раскрывает ментальные модели ориентации, базирующиеся на гидроцентрической системе координат с иерархической градацией объектов от макро- к микроуровню. Выявленные принципы топонимической локализации (*на усть Керести, над Веткою на бротку, за озером за Лунином, против Пересухи*) демонстрируют высокую степень детализации пространственных отношений и свидетельствуют о развитости геопространственного мышления средневекового населения.

Заключение

Микротопонимическая система Водской пятины конца XV в. представляет собой уникальный лингвистический источник, кодирующий комплексную информацию о хозяйственном освоении территории, этноязыковых контактах и когнитивных моделях пространственного восприятия, что определяет ее исключительную ценность для исторической ономастики и культурной антропологии. Выработанная методология комплексного анализа микротопонимических корпусов открывает новые исследовательские перспективы для изучения локальных топонимических систем средневековой Руси и может быть экстраполирована на материал других историко-географических регионов.

Библиографический список / References

Анкудинов, 2013 – Анкудинов И.Ю. Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV – начала XVII в. М., 2013. [Ankudinov I.Yu. Akty novgorodskogo Vyazhishchskogo monastyrya kontsa XV – nachala XVII v. [Acts of the Novgorod Vyazhishchy monastery of the late 15th – early 17th centuries]. Moscow, 2013.]

Бакутов, 2017 – Бакутов В.А. Словарь микротопонимов окрестностей села Новые Параты Волжского района Республики Марий Эл // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра. 2017. С. 32–38. [Bakutov V.A. Dictionary of microtoponyms of the surroundings of the village Novye Paraty, Volzhsky district of the Republic of Mari El. *Nauki o Zemle: vchera, segodnya, zavtra*. 2017. Pp. 32–38. (In Rus.)]

Березович, 1997 – Березович Е.Л. Локальная топонимическая система: параметры и функционирование // Материалы для изучения селений России. Ч. II. М., 1997. [Berezovich E.L. Local toponymic system: Parameters and functioning. *Materialy dlya izucheniya seleniy Rossii*. Part II. Moscow, 1997. (In Rus.)]

Березович, 2003 – Березович Е.Л. Топонимическая этносемантика // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. М., 2003. С. 19–34. [Berezovich E.L. Toponymic ethnosemantics. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyy syezd slavistov*. Moscow, 2003. Pp. 19–34. (In Rus.)]

Васильев, 2005 – Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. [Vasilyev V.L. Archaicheskaya toponimiya Novgorodskoy zemli (Drevneslavjanskie deantroponymnye obrazovaniya) [Archaic toponymy of the Novgorod land (Ancient Slavic deanthroponymic formations)]. Velikiy Novgorod, 2005.]

Васильев, 2012 – Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. [Vasilyev V.L. Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoy zemli [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow, 2012.]

Васильева и др., 2000 – Словарь топонимов и микропонимов Красноярского края / С.П. Васильева, Н.Н. Бебриш, Т.П. Жильцова и др. Красноярск, 2000. [Vasilyeva S.P., Bebrish N.N., Zhiltsova T.P. et al. Slovar toponimov i mikrotoponimov Krasnoyarskogo kraja [Dictionary of toponyms and microtoponyms of Krasnoyarsk region]. Krasnoyarsk, 2000.]

Верховых, 2018 – Верховых Л.Н. Микропонимия села Абрамовка Таловского района Воронежской области // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 223–241. [Verkhoviykh L.N. Microtoponymy of the village Abramovka in Talovskiy district of Voronezh region. *Voprosy onomastiki*. 2018. Vol. 15. No. 3. Pp. 223–241. (In Rus.)]

Веселовский, 1974 – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. [Veselovskiy S.B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvischa i familii [Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow, 1974.]

Виноградов, 2017 – Виноградов А.В. Аналитический обзор биогеографии континентальных водоемов Европы, нагорной и Центральной Азии // Научное обозрение. Биологические науки. 2017. № 2. С. 17–41. [Vinogradov A.V. Analytical review of biogeography of continental water bodies of Europe, highland and Central Asia. *Nauchnoe obozrenie. Biologicheskie nauki*. 2017. No. 2. Pp. 17–41. (In Rus.)]

Глинских, 1985 – Глинских Г.В. О расхождениях, наблюдаемых при записи топонимов от разных информантов // Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 32–37. [Glinskikh G.V. On divergences observed when recording toponyms from different informants. *Toponimiya Urala i Severa Evropeyskoy chasty SSSR*. Sverdlovsk, 1985. Pp. 32–37. (In Rus.)]

Горожанкина, 1979 – Горожанкина Л.В. Проблемы динамики топонимической системы: дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1979. [Gorozhankina L.V. Problemy dinamiki toponimicheskoy sistemy [Problems of dynamics of toponymic system]. PhD dis. Minsk, 1979.]

Даль, 2006 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2006. [Dal V.I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorussskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, 2006.]

Евсюков, 2019 – Евсюков Д.Е. Использование архивных источников при изучении микротопонимии локальных территорий (на примере села Огибного Чернянского района) // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 62–69. [Evsyukov D.E. Use of archival sources in the study of microtoponymy of local territories (on the example of the village Ogibnoye in Chernyansky district). *Belgorodskaya cherta: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitelnoy cherty*. Vol. 4. Belgorod, 2019. Pp. 62–69. (In Rus.)]

Жигальцова, Бодэ, 2023 – Жигальцова Т.В., Бодэ А.Б. Архитектурно-планировочная среда исторических поселений Кянда и Солозеро на побережье Белого моря. Традиции и трансформации // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 4. С. 26–36. [Zhigaltsova T.V., Bode A.B. Architectural and planning environment of historical settlements Kyanda and Solozero on the White Sea coast. Traditions and transformations. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo*. 2023. No. 4. Pp. 26–36. (In Rus.)]

Зализняк, 2004 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg. [Old Novgorod dialect. 2nd ed., revised taking into account the material of finds from 1995–2003]. Moscow, 2004.]

Захарова, 2020 – Захарова Е.В. Становление официальной системы ойконимов Велдозерья по данным письменных источников // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово» (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Петрозаводск, 2020. С. 101–104. [Zakharova E.V. Formation of the official system of oikonyms of Vedlozero area according to written sources. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Bubrikhovskie chteniya: zadokumentirovannoe narodnoe slovo» (Petrozavodsk, 27–28 oktyabrya 2020 g.)*. Petrozavodsk, 2020. Pp. 101–104. (In Rus.)]

Кабинина, 2009 – Кабинина Н.В. Топонимические реликты нижнего Подвинья (Лодья, Оногра, Соломбала) // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 111–117. [Kabinina N.V. Toponymic relics of the lower Podvinye (Lodma, Onogra, Solombala). *Voprosy yazykoznaniya*. 2009. No. 1. Pp. 111–117. (In Rus.)]

Карпенко, 1967 – Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М., 1967. С. 15–23. [Karpenko Yu.A. Properties and sources of microtoponymy. *Mikrotoponimiya*. Moscow, 1967. Pp. 15–23. (In Rus.)]

Кириллова, 2002 – Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002. [Kirillova L.E. *Mikrotoponimiya basseyna Kil'mezi* [Microtoponymy of the Kilmez basin]. Izhevsk, 2002.]

Климкова, 2006 – Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3 ч. Арзамас, 2006. [Klimkova L.A. *Mikrotopynimicheskii slovar Nizhegorodskoy oblasti (Oksko-Volzhsko-Surskoe mezhdureche)* [Microtoponymic dictionary of Nizhny Novgorod region (Oka-Volga-Sura interfluve)]. In 3 parts. Arzamas, 2006.]

Климкова, 2007 – Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. Арзамас, 2007. [Klimkova L.A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoy kartine mira* [Nizhny Novgorod microtoponymy in the linguistic picture of the world]. Arzamas, 2007.]

Ковалев, 2007 – Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. Т. 1. Воронеж, 2007. [Kovalev G.F. Mikrotoponimiya Voronezhskoy oblasti. Slovar [Microtoponymy of Voronezh region. Dictionary]. Vol. 1. Voronezh, 2007.]

Конкка, 2009 – Конкка А.П. «Карсикко» в обрядах и представлениях финно-угорского населения Северной Европы // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 32–38. [Konkka A.P. “Karsikko” in rituals and representations of the Finno-Ugric population of Northern Europe. *Traditsionnaya kultura*. 2009. No. 3. Pp. 32–38. (In Rus.)]

Кузнецова, 2003 – Кузнецова Н.А. Словарь микротопонимов Пензенской области. Пенза, 2003. [Kuznetsova N.A. Slovar mikrotopyimov Penzenskoy oblasti [Dictionary of microtoponyms of Penza region]. Penza, 2003.]

Кюршунова, 2010 – Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. [Kyurshunova I.A. Slovar nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i familnykh prozvanii Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv. [Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames of Northwestern Rus of the 15th–17th centuries]. St. Petersburg, 2010.]

Леонтьев, Фомин, 2024 – Леонтьев Д.Э., Фомин Э.В. О словаре чувашских микротопонимов // Этническая культура. 2024. Т. 6. № 1. С. 20–24. [Leontyev D.E., Fomin E.V. On the dictionary of Chuvash microtoponyms. *Etnicheskaya kultura*. 2024. Vol. 6. No. 1. Pp. 20–24. (In Rus.)]

Летникова, Тимошкова, 2016 – Летникова О.А., Тимошкова А.Д. Значение микротопонимов в формировании топонимического ландшафта Хотимского района // X Машеровские чтения: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 20–21 октября 2016 г. Витебск, 2016. С. 65–66. [Letnikova O.A., Timoshkova A.D. The significance of microtoponyms in the formation of the toponymic landscape of Khotimsk district. *X Masherovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Vitebsk, 20–21 Oktyabrya 2016 g.* Vitebsk, 2016. Pp. 65–66. (In Rus.)]

Летова, 1982 – Летова И.А. О следах языческих представлений в русской топонимии (к постановке вопроса) // Вопросы ономастики. 1982. Вып. 15. С. 32–44. [Letova I.A. On traces of pagan representations in Russian toponymy (towards the formulation of the question). *Voprosy onomastiki*. 1982. Vol. 15. Pp. 32–44. (In Rus.)]

Михайлова, 2016 – Михайлова И.Б. Поместные земли и формирование новой категории служилого населения на Руси XIV – первой половины XVI в // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2016. С. 33–39. [Mikhaylova I.B. Pomestnye lands and the formation of a new category of service population in Rus of the 14th – first half of the 16th century. *Materialnyy faktor i predprinimatelstvo v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost*. St. Petersburg, 2016. Pp. 33–39. (In Rus.)]

Муллонен, 2014 – Муллонен И.И. Заонежье на топонимической карте российского Северо-Запада // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 221–228. [Mullonen I.I. Zaonezhye on the toponymic map of the Russian Northwest. *Tserkov Preobrazheniya Gospodnya na ostrove Kizhi: 300 let na zaonezhskoy zemle*. Petrozavodsk, 2014. Pp. 221–228. (In Rus.)]

Муллонен, 2023 – Муллонен И.И. «Финско»-саамское половодье в топонимии Карелии и Русского Севера // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 31–48. [Mullonen I.I. “Finnish”-Sami flood in the toponymy of Karelia and the Russian North. *Voprosy onomastiki*. 2023. Vol. 20. No. 3. Pp. 31–48. (In Rus.)]

Мурзаев, 1984 – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. [Murzaev E.M. *Slovar narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, 1984.]

Николаев, Герд, 2015 – Николаев И.С., Герд А.С. Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 112–119. [Nikolaev I.S., Gerd A.S. *Dictionary of toponymy and microtoponymy of Ingermanland. Severnoruskie govory*. 2015. No. 14. Pp. 112–119. (In Rus.)]

Никонов, 1965 – Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. [Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow, 1965.]

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2010. [Novgorodskiy oblastnoy slovar [Novgorod regional dictionary]. A.N. Levichkin, S.A. Myznikov (eds.). St. Petersburg, 2010.]

НПК III – Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. III: Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г. 1 половина. СПб., 1868. [Novgorodskie pistsovye knigi, izdанные Arkheograficheskoy komissiiy. Vol. III: *Census tax book of Votskaya pyatina*, 1500. 1st half. St. Petersburg, 1868.]

ПКВП – Писцовые книги Вотской пятины 7090 и 7091 годов // Временник Московского (Императорского) Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 6. М., 1840. С. 149–182. [Cadastral books of Votskaya pyatina of 7090 and 7091 years. *Vremennik Moskovskogo (Imperatorskogo) Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh*. Vol. 6. Moscow, 1840. Pp. 149–182. (In Rus.)]

ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / сост. К.В. Баранов. М., 1999. [Pistsovye knigi Novgorodskoy zemli [Cadastral books of Novgorod land]. Vol. 1: *Novgorod cadastral books of the 1490s and confiscation and tax books of suburban hayfields of the Novgorod palace of the 1530s*. K.V. Baranov (comp.). Moscow, 1999.]

Подвысоцкий, 1895 – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1895. [Podvysotskiy A. *Slovar oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg, 1895.]

Подольская, 1988 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. [Podolskaya N.V. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 1988.]

Попов, 1965 – Попов А.И. Географические названия (введение в топонимику). Л., 1965. [Popov A.I. *Geograficheskie nazvaniya (vvedenie v toponimiku)* [Geographical names (introduction to toponymy)]. Leningrad, 1965.]

Рудных, 1967 – Рудных Е.И. Типы аффиксации в микротопонимике Устьянского района Архангельской области // Вопросы топониматики. 1967. Вып. 3.

С. 35–47. [Rudnykh E.I. Types of affixation in microtoponymy of Ustyansky district of Arkhangelsk region. *Voprosy toponomastiki*. 1967. Vol. 3. Pp. 35–47. (In Rus.)]

Сергий, 1905 – Сергий А. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. [Sergiy A. Cherty tserkovno-prikhodskogo i monastyrskogo byta v pistsovoy knige Vodskoy pyatiny 1500 goda (v svyazi s obshchimi usloviyami zhizni)] [Features of parish and monastic life in the cadastral book of Vodskaya pyatina of 1500 (in connection with general living conditions)]. St. Petersburg, 1905.]

Сорокин, 2015 – Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 236–262. [Sorokin A.N. Skudelnitsas of ancient Novgorod (on the question of the features of the ancient Russian funeral rite in emergency situations). *History Studies*. 2015. No. 3. Pp. 236–262. (In Rus.)]

Срезневский, 1903 – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р-w и дополнения. СПб., 1903. [Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Vol. 3. St. Petersburg, 1903.]

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб., 1965–2021. Вып. 1–52. [Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (eds.). Moscow; Leningrad; St. Petersburg, 1965–2021. Vol. 1–52.]

СРЯ-8 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8: Крада – Лящина. М., 1981. [Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the 11th–17th centuries]. Issue 8. Moscow, 1981.]

СРЯ-22 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22: Раскидаться – Рященко. М., 1997. [Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the 11th–17th centuries]. Issue 22. Moscow, 1997.]

Станиславский, 2004 – Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. [Stanislavskiy A.L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov [Works on the history of the sovereign's court in Russia of the 16th–17th centuries]. Moscow, 2004.]

Сьянова, 2018 – Сьянова Е.И. Опыт словаря микротопонимов Борисоглебского городского округа // Педагогическое регионоведение. 2018. № 3. С. 45–56. [Syanova E.I. Experience of a dictionary of microtoponyms of Borisoglebsk urban district. *Pedagogicheskoe regionovedenie*. 2018. No. 3. Pp. 45–56. (In Rus.)]

Тупиков, 1903 – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. [Tupikov N.M. Slovar drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen [Dictionary of Old Russian personal proper names]. St. Petersburg, 1903.]

Щеулина, 2007–2008 – Щеулина Г.Л. Словарь микротопонимов Липецкого края. Липецк, 2007–2008. [Shcheulina G.L. Slovar mikrotoponimov Lipetskogo kraia [Dictionary of microtoponyms of Lipetsk region]. Lipetsk, 2007–2008.]

Ященко, 1977 – Ященко А.И. Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона. Вологда, 1977. [Yashchenko A.I. Lingvisticheskiy analiz mikrotoponimov opredelenennogo regiona [Linguistic analysis of microtoponyms of a specific region]. Vologda, 1977.]

Karlova, 2015 – Karlova O. Omaperäisten henkilönnimien säilyminenlisänimissä jasukunimissä (Savo, Karjala ja Vepsä). *Õdagumeresuumlaisi nimeq. Läänemeresoomlaste nimed*. Võro, 2015. Pp. 139–164.

Kepsu, 2015 – Kepsu S. Esikristilliset henkilönnimet kylännimissä. *Õdagumeresuumlaisi nimeq. Läänemeresoomlaste nimed*. Võro, 2015. Pp. 127–138.

SPK – Suomalainen paikannimikirja. Sirkka Paikkala (peatoim.). Helsinki, 2007.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025

The article was received on 21.03.2025

Сведения об авторе / About the author

Дмитриев Александр Владиславович – кандидат филологических наук; доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; старший научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Alexander V. Dmitriev – PhD in Linguistics; associate professor at the Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; senior research fellow at the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

E-mail: avd84@list.ru